

Ольга Алиева

Полифонический Платон: рецензия на книгу
Collins, James Henderson II. *Exhortations to Philosophy:
The Protreptics of Plato, Isocrates, and Aristotle.*
Oxford University Press, 2015. ISBN 978-0-19-935859-5

OLGA ALIEVA

POLYPHONIC PLATO: Review of the Book

Collins, James Henderson II. *Exhortations to Philosophy: The Protreptics of Plato, Isocrates, and Aristotle.* Oxford University Press, 2015. ISBN 978-0-19-935859-5

АБСТРАКТ. This is a review of the book: Collins, James Henderson II. *Exhortations to Philosophy: The Protreptics of Plato, Isocrates, and Aristotle.* Oxford UP, 2015.

KEYWORDS: Plato, Isocrates, Aristotle, protreptic, *Euthydemus*, *Protagoras*.

Исследование Джеймса Х. Коллинза (Университет Южной Калифорнии) посвящено становлению жанра философского протрептика (προτρεπτικός λόγος) в период классической античности (IV в. до Р.Х.). Книга содержит теоретическое введение (р. 1–44) и две части, посвященные протрептикам Платона (р. 45–182) и Исократу (р. 183–241). В эпилоге (р. 242–264) автор рассматривает «Протрептик» Аристотеля.

Прежде всего, отметим актуальность поставленной проблемы. Понятие «протрептик» давно вошло в историко-философский обиход и встречается в исследованиях В. Йегера¹, А.-Ж. Фестю-

© О.В. Алиева (Москва). alieva.mgl@gmail.com. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

¹ Jaeger 1962: 10. Русский перевод: Йегер 2014.

жьера², Т. Слезака³, И. Дюринга, Д. Шенкефельда, Ф. Гонсалеса, А. Лариве, Я. Хеслера⁴ и многих других. Это понятие применялось и к анализу раннехристианской литературы в ее связи с античными философскими жанрами⁵. Тем не менее, относительно наполнения понятия «протрептик» не утихают споры, связанные с тем, что философский протрептик не является жанром в традиционном понимании, с характерными только для него композицией, стилем и предметом⁶. Жанру философского протрептика посвящены исследования П. Хартлиха⁷ и К. Гайзера⁸ — основательные, но уже порядком устаревшие. Что касается исследования С.Р. Слингса⁹, то его методика описания «эксплицитно-протрептических» текстов вызывает некоторые вопросы, которые мы не можем здесь подробно рассматривать.

В античной риторической теории упоминания о протрептике довольно скудны, из-за чего приходится говорить скорее о *de facto* жанре, не осмысленном в полной мере античным теоретико-литературным сознанием¹⁰. М. Джордан констатировал невозможность жанровой характеристики на основе простого индуктивного изучения материала и указывал в этой связи на следующие сложности: многообразии форм протрептика (диалог, посла-

² Festugière 1973.

³ Немецкое издание: Szlezák 1993, русский перевод (Слезак 2009: 79): «Стоит напомнить о сильном заинтересовывающем (протрептическом) воздействии, исходящем от всех произведений раннего и среднего периода творчества Платона и все еще ощутимом даже в отдельных частях его поздних произведений: это воздействие направлено на тех посторонних, которым еще предстоит обращение к философии» (перев. М. Буланенко). Ср. также рассуждение о протрептической функции диалогов Платона у Migliori 2013: 71 ff. Библиографию по *Tübingen-inspired approaches to Plato's "protreptics"* см., в частности, в Thesleff 1989: 2.

⁴ Düring 1961; Schenkeveld 1997; Gonzalez 2002; Larivée 2010; Heßler 2013.

⁵ См., напр., Aune 1991; Stewart-Sykes 2001; Kotzé 2010.

⁶ Jordan 1986: 328.

⁷ Hartlich 1889.

⁸ Gaiser 1959.

⁹ Slings 1999.

¹⁰ О *de facto* жанрах см. Аверинцев 1996.

ние, речь, антология и др.); применение термина «протрептик» к речам, не являющимся побуждениями к философии; существование множества таких побуждений, не озаглавленных «протрептик»; наличие увещательных секций в более обширных сочинениях (например, начало «Метафизики» Аристотеля). Наконец, надо отметить еще и ту сложность, что большая часть античных философских протрептиков до нас не дошла или дошла лишь фрагментарно; это касается увещаний Антисфена и Аристиппа¹¹, «Протрептиков» Аристотеля и Посидония, «Гортензия» Цицерона.

Все эти соображения заставили нас с интересом обратиться к исследованию Дж. Коллинза, посвященному протрептику в IV в. до Р.Х. Однако мы с некоторым разочарованием обнаружили, что автор практически не учитывает более чем вековую традицию изучения жанра, сходу отвергая подходы К. Гайзера и С.Р. Слингса как неудовлетворительные (р. 3) и почти вовсе не касаясь других исследований. Вместо этого Дж. Коллинз предлагает говорить о «риторике протрептического дискурса», анализируя его «в социополитическом контексте» классической Греции¹². Как и другие формы дискурса, протрептик «укоренен» в реальных жизненных ситуациях и является «ответом» на них¹³.

¹¹ См. о них Alieva 2013.

¹² Заметим мимоходом, что такой подход был намечен еще в 2004 г. в статье Д. Суонкат, которую автор не упоминает. По мнению Д. Суонкат, противопоставление протрептика и паренезы было обусловлено особыми социальными и риторическими потребностями (*exigencies*), а именно конкуренцией между теоретической (*speculative*) и практической (*practical*) философией в Афинах в IV в. до Р.Х. Поскольку паренеза изначально ассоциировалась с их конкурентами, представители теоретической философии возражали против включения паренезы в протрептик (Swancutt 2005).

¹³ Ср. Jordan 1986. Джордан предложил рассматривать протрептик с точки зрения «риторической ситуации» и пришел к выводу, что жанровое единство обеспечивается ситуацией жизненного выбора, в котором находится слушатель. Авторы протрептиков, к какой бы мудрости они ни призывали, вынуждены считаться с тем, что за каждого слушателя борются различные философские школы, риторы и представители других *artes liberales*. Концепция «риторической ситуации» была введена в обиход современного риторического кри-

Изменение образовательного ландшафта в V–IV в. до Р.Х. и появление профессиональных учителей мудрости и вызвало к жизни этот новый «гибридный» дискурс, вобравший в себя и переработавший традиционные формы увещания. Задача исследователя — проследить, как в интеллектуальной борьбе конструируется философский дискурс и образ философа. В этом плане подход Дж. Коллинза продолжает линию, намеченную в исследовании А. Найтингейл (Andrea Nightingale)¹⁴, благодарность которой как своему *supervisor* он выражает на р. xiii.

К сожалению, на практике этот подход приводит к злоупотреблению маркетинговой терминологией: то и дело мы встречаемся с утверждениями, что философы «выставляют на продажу (*to market*)» свои практики, для чего пишут «рекламные тексты»

тицизма Л. Битцером в 1968 г. Битцер рассматривает риторическое высказывание как ответ, встроенный в некую реальную ситуацию. Цель такого высказывания всегда заключается в воздействии на обстоятельства, а риторика в таком понимании предстает как род социального действия. Потребность (*exigence*) — одна из ключевых составляющих риторической ситуации, причем эта потребность может считаться риторической, если а) ситуация в принципе поддается изменению; б) высказывание может быть средством такого изменения. Вторая составляющая риторической ситуации — аудитория, способная к претворению в жизнь необходимых изменений. Риторический ответ на ситуацию в некотором смысле «задан» самой ситуацией (Bitzer 1968). Сам Битцер не употребляет слова «жанр», однако его подход создает предпосылки для жанрового анализа (Freedman & Medway 1994: 25). Так, он говорит: «Изо дня в день, из года в год возникают схожие ситуации, провоцируя схожие ответы; таким образом рождаются риторические формы и устанавливаются лексические, грамматические и стилистические приемы» (Bitzer 1968: 13). Ситуационный анализ жанра был развит в ряде позднейших исследований. См., напр., Jamieson & Campbell 1978. Для дальнейшего анализа Джордан предложил воспользоваться методами, очерченными Дж. Хареллом и У. Линкуджелом (Harrell & Linkugel 1978). В частности, он напоминает, что описание жанра (*generic description*) у Харелла и Линкуджела начинается с установления «кластера потребностей» (*exigency clusters*), вызвавших к жизни ту или иную речь. Однако он оговаривается, что создать «философски нейтральное» описание таких потребностей невозможно, потому что у каждой школы оно будет особым. Дж. Коллинз, упоминая М. Джордана на р. 17 и 37, не указывает на какую-либо преемственность по отношению к предложенному им подходу.

¹⁴Nightingale 1995.

(*advertisements*), призванные подчеркнуть их достоинства и недостатки «конкурентов» (*competitors*) (р. 2). В какой-то момент речь заходит даже про «рыночную долю» (!) Исократа (*market share*, р. 235). На наш взгляд, проекции современных представлений об «образовательных услугах» на античность едва ли уместны; тут недалеко и до обвинений Сократа в демпинге. Впрочем, этот подход не лишен остроумия: в частности на р. 38 описывается демократическая агора, где философы выставляют на продажу свой «товар» точно так же, как продавцы анчоусов или публичных женщин (р. 39: *a philosophical program is sold side by side with things for sale*).

Традиционным формам увещания, а именно поэмам Гесиода и Парменида, посвящена отдельная глава введения (*Earlier Protreptic Configurations*, р. 7–16). Именно эти поэмы, отмечает Коллинз, сформировали «горизонт читательских ожиданий» (р. 9). Обращение к брату Персу в поэме «Труды и дни» отсылает к внелитературной ситуации¹⁵, в которой находится нарратор, и на пересечении исторической и дискурсивной реальности рождается новый жанр. Поэма содержит универсальные советы, которые подаются как личное наставление. Этот ход, в целом типичный для античной дидактической поэзии, получает у Гесиода новую оркестровку: упоминание о двух Эридах («хорошей» и «плохой») и двух братьях (Прометее и Эпиметее) в рамочном нарративе оказывается «мифической и теогонической парой» к распре двух братьев, предполагая возможность соглашения между «симметричными» сторонами конфликта¹⁶. Другой пример дидактического дискурса в V в. — это поэма Парменида, в которой «метапоэтически» отвергаются альтернативные пути к мудрости (р. 15: *explicitly and metapoetically targets alternative paths to wisdom*).

После рассмотрения литературных предшественников фило-

¹⁵ P. 9: «In particular, we find in these protreptic discourses a self-referential language which situates the speaker as a player in his own generation among competing factions and also as a figure at the center of his narrative».

¹⁶ Martin 2004.

софского протрептика Коллинз переходит к обсуждению теоретических аспектов жанра (*Genre Theory and Протрeπτικὸς Λόγος*, р. 16–34), которое опирается на три жанровые концепции (в порядке их обсуждения в тексте): Фрэнсиса Кэрнса¹⁷, Аристотеля, Михаила Бахтина. Не станем отмечать этот причудливый выбор среди недостатков исследования: в случае с жанровой теорией, давно уже живущей по каким-то своим неведомым законам, избирательность — единственная возможность не потерять из виду источники.

Итак, Кэрнс рассматривает «первичные структуры» и «вторичные топы» жанра, опираясь преимущественно на греческого ритора Менандра (III в. до Р.Х.). Подход Кэрнса называли *a Propp-like morphology* античной поэзии: речь идет о функционировании риторических топов в различных контекстах¹⁸. По мнению Кэрнса, вся классическая поэзия написана в соответствии с определенными жанровыми правилами, которые можно выявить путем изучения самих поэтических текстов и риторических руководств. О том, что эта точка зрения неоднократно оспаривалась, Коллинз не упоминает. Отвергая этот подход как слишком «статичный», Коллинз переходит к жанровой теории Аристотеля, как она представлена в «Поэтике» и «Риторике». По его словам, у Аристотеля жанры «допускают большую подвижность». Как и Платон в «Федре», Аристотель говорит о том, что «логические структуры дискурса» должны применяться в конкретных ситуациях с учетом возможной реакции слушателя. Разделение на три рода красноречия у Аристотеля задано контекстом (судебным, политическим, эпидейктическим), однако допускается то, что Коллинз называет *transposition of phrasing*, «изменение способа выражения» при сохранении цели (р. 27): «похвала и совет сходны по свое-

¹⁷ Cairns 1972. Эту работу упоминает С.Р. Слингс (Slings 1999: 67, n. 118). Методология самого Слингса достаточно независима от Кэрнса и требовала бы специального рассмотрения (тем более что это единственное полноценное исследование протрeπтика за последние 50 лет), однако его-то как раз у Коллинза мы не найдем.

¹⁸ Удачное сравнение с Проппом позаимствовано у Uhlig 2009.

му виду, потому что то, что при подавании совета может служить поучением, то самое делается похвалой...» (*Rhet.* 1368a). Наконец, Коллинз рассматривает теорию «первичных» и «вторичных» жанров Бахтина, занимающую видное место и в исследованиях А. Найтингейл.

В качестве особенностей протрептического дискурса выделяются следующие: (1) *диалогизм* (в протрептике звучат «голоса» соперников); (2) *сопоставительность* (взаимодействие с конкурирующими протрептикой λόγος); (3) *ситуационность* (форма и содержание определяются конкурентной средой и аудиторией); (4) *риторичность* (используются различные средства убеждения). Не являясь исключительно «протрептическими», эти черты в совокупности описывают особую область философского высказывания, которое соперничает с другими формами дискурса «на рынке идей» (р. 18).

В следующей главе (*The Rhetorical Situation and Objective of Протрептикὸς Λόγος*, р. 34–42) Коллинз различает *прямой и пересказанный протрептический дискурс* (*direct and reported protreptic discourse*). Последний представлен диалогами Платона и отличается тем, что обстоятельства протрептики заданы в тексте, а не вне его. Но и тот, и другой дискурс может быть обращен к аудитории, которая (вопреки утверждению Джордана, см. выше прим. 17) может вовсе не ощущать потребности некоего жизненного выбора. Задача протрептики, таким образом, — спровоцировать момент выбора. «Скрещивая» различные привычные опции, протрептик предлагает принципиально новую опцию, которую он сам воплощает и «выставляет на рынок»¹⁹. Это означает, что философский протрептик должен учитывать все то, что может «отвлечь» адресата, в том числе также «голоса» конкурентов на образовательном поле. Отсюда — *диалогизм* протрептики (р. 40). На этом заканчивается «Введение» и автор переходит к рассмотрению пла-

¹⁹ P. 37: «The hybridizing force of protreptic discourse brings conventional choices together in order to deliver an entirely new choice which it both embodies and markets».

тоновского протрептика на примере диалогов «Евтидем» и «Протагор» (*Part One: Platonic Protreptic*).

Рассмотрение протрептика в платоновских диалогах открывается различением нарративных уровней: *экстрадиегетического* (т.е. «внеповествовательного» = «мир, в котором ведется рассказ») и *интрадиегетического* («внутриповествовательного» = «мир, о котором ведется рассказ») (глава *Levels of Discourse in Plato's Dialogues*, р. 45–53). Эта схема, позаимствованная у теоретика структурализма Жерара Женетта, применяется для анализа диалога «Евтидем», «протрептика, который рекламирует одно направление в философии, сравнивая различные философские протрептики» (р. 46). Хотя в литературе принято рассматривать как протрептик лишь часть диалога²⁰, Коллинз обращает внимание на то, что «протрептик» работает здесь сразу на нескольких уровнях: нарратор «стремится обратить аудиторию на экстрадиегетическом уровне, пересказывая попытку обращения другой аудитории на интрадиегетическом уровне» (р. 46). Экстрадиегетический уровень представлен беседой Сократа и Критона; на интрадиегетическом уровне мы имеем два пересказанных диалога: один — состязание Сократа с софистами перед толпой слушателей, второе — беседа Критона с неким логографом, напоминающим Исократу. При этом интрадиегетический уровень сократовского нарратива «поглощается» интрадиегетическим уровнем нарратива Критона: критика «Исократу» оказывается *внешней* относительно пересказываемых Сократом событий.

Различение этих уровней нужно потому, что каждый из них содержит протрептические или апотрептические элементы. Так, на интрадиегетическом уровне Сократ стремится обратить юношу Клиния к философии и в то же время отвратить его от эри-

²⁰ В. Йегер, говоря о сократическом протрептике у Платона, имеет в виду два протрептика Сократа в диалоге «Евтидем» (278e–282e; 288d–290d). По его мнению, на этот диалог опирался Аристотель при написании «Протрептика», выдержки из которого сохранились в «Протрептике» Ямвлиха (Jaeger 1962: 111). Ямвлих пересказывает этот диалог в главе 5 своего «Протрептика» (*Protr.* 24. 22–27. 11 Pistelli).

стической философии. В то же время, он имеет в виду и окружающую толпу, в частности Ктесиппа. Софисты, в свою очередь, работают лишь на толпу слушателей. «Исократ» пытается обратиться к Критону к своей философии и отвадить его от софистов. Сократ в рамочном повествовании полемизирует с «Исократом», который никогда не участвует в публичных словопрениях, а потому его участие в интрадигетической беседе невозможно (ср. р. 134–140).

Далее следует анализ каждого нарративного уровня в отдельности (главы *Narrative between Socrates and Crito*, р. 53–62; *From Narrative to Drama: Inside the Intradiegetic Level*, р. 63–123; *Return to the Extradiegetic Level: Metalepsis, Protreptic, and Apotreptic*, р. 124–144). Говоря о многомерности платоновского диалога, Коллинз употребляет понятие «чрево вещание» (*ventriloquism*)²¹, вероятно, рассматривая его как не очень точный аналог бахтинского «диалогизма». Согласно Бахтину, большая часть слов, произносимых нами, — это *чужие слова*. Это касается и «вторичных», то есть литературных, жанров. Вслед за Бахтиным («Проблемы творчества Достоевского») Коллинз различает (1) *прямое* и непосредственно интенциональное слово; (2) *объектное слово*, прямую речь героев; (3) *стилизацию, или стилизирующий сказ*, «двуголосое» слово, построенное так, что наряду с голосом автора слышится и «чужое слово». Стилизация и пародия предполагают использование чужих слов для выражения собственных интенций; оно «двуголосо» потому, что помимо своего предметного смысла «полемически ударяет» по чужому слову на ту же тему. Бахтинское понимание пародии, по Коллинзу, оказывается ключом к пониманию протрептического дискурса, который использует как прямую, так и скрытую пародию. Протрептический дискурс вбирает в себя «чужие голоса» множества нарраторов, каждый из которых пре-

²¹ В диалоге «Софист» (252c) упомянут чрево вещатель Еврикл: «они и не нуждаются в других обличителях, но постоянно бродят вокруг, таща за собою, как принято говорить, своего домашнего врага и будущего противника, подающего голос изнутри».

следует свои цели. Такой подход к «Евтидему» как «битве протрептиков» (р. 59) позволяет говорить о том, что «протрептик» — это не «рутинный дискурс», а «экспериментальное и подвижное межжанровое событие» (р. 81), о котором можно сказать, что оно «случается» (р. 53: «protreptic happens»).

Не вникая в детали анализа «Евтидема», обратим внимание на один эпизод, которому Коллинз предлагает любопытное объяснение. В 290cd Сократ приводит слишком осмысленную реплику в целом весьма вялого собеседника Клиния, чем вызывает удивление Критона: «Этот юнец мог произнести такие слова?». Сократ признается, что он запомнил, и, возможно, реплика принадлежит Ктесиппу: «В одном я уверен: ни Евтидем, ни Дионисодор этого не сказали» (291a). Ряд интерпретаторов рассматривают неожиданный интеллектуальный рост Клиния как свидетельство эффективности сократического протрептика. «Мы видим, — писал Ф. Гонсалес, — что Клиний не только извлек пользу из диалектики Сократа, но что эта польза, которую он извлек, — это и есть сама диалектика. Он стал лучше, восприняв не какой-то продукт сократической диалектики (например, определение), а став диалектиком сам. И Сократ добился этого не как иначе, как обращая его к мудрости и доблести. Польза достигается самим по себе протрептиком, или увещанием»²². Столь оптимистичное понимание протрептика в «Евтидеме», как нам уже приходилось говорить, наталкивается на ряд сложностей²³.

Коллинз рассматривает намеренную оговорку Сократа (о намеренности см. р. 125) как пример *нарративного металеписиса*, понимая последний вслед за Жераром Женеттом как «вмешательство» экстрадиегетического нарратора или нарратора в диегетический мир. В «Евтидеме» Сократ-нарратор сознательно вовлекает Критона в беседу с софистами, смешивая два уровня

²² Gonzalez 2002: 177. Иную трактовку диалога находим у А. Микелини, которая полагает, что не стоит всерьез воспринимать протрептик Сократа в «Евтидеме»: «Неожиданное философское развитие Клиния [...] не имеет ничего общего с обычной практикой Платонова Сократа» (Michellini 2000: 526).

²³ Alieva 2013: 136.

повествования. Это смешение становится очевидным после реплики Сократа «Разве ты не был бы того же мнения, Критон?» (291d). Критон как бездумный наблюдатель (р. 131) ждет от Сократа готового ответа на вопрос, кому поручить воспитание сыновей; вместо этого Сократ предлагает ему втянуться в философское рассуждение самому, однако Критон к этому не готов. От него ускользает «ретроспективный элемент» (р. 128) сократовского вопрошания и «саморефлексивная природа философского дискурса» (р. 132), связанная с потребностью постоянно пересматривать предыдущие утверждения. Как только Критон сдаётся, диалог возвращается на интрадиегетический уровень.

Рассмотрению другого пересказанного платоновского диалога, «Протагор», посвящена глава 5 первой части, *Creating Consumers and Consensus in the Protagoras*. За подробным анализом драматической сцены (расстановка и движение персонажей, гомеровские аллюзии²⁴), Коллинз касается «протрептических и апотрептических» аспектов речи Протагора (р. 151), не раз упоминавшейся в связи с жанром протрептика²⁵. Представляя свое искусство (Коллинз переводит τέχνη как *trade*), Протагор отмечает, что его дело — εὐβουλία (*cognitive skill*, р. 154), а не арифметика, астрономия, геометрия или музыка. Этот апотрептический выпад против «многознайки» Гиппия сопровождается выразительным взглядом, но при этом протрептик Протагора не содержит диалогических элементов, он не «чрево вещает» (р. 154). В отличие от других софистов, Протагору не приходится «терзать» (318e) юношей, они сами к нему приходят; протрептик ему не нужен: подобно Гиппократу, которого привлекла слава Протагора (р. 156: *has fallen for celebrity*), ученики сами к нему стекаются. Вслед за М. Гагариным Коллинз говорит о «братском родстве» противников, Протагора и Сократа²⁶, усматривая схожий ход в «Трудах и днях» Гесиода (р. 163). Когда Протагор хвалит Сократа за «предо-

²⁴ Ср.: Segvic 2006.

²⁵ См., напр., Van der Meeren 2002.

²⁶ Gagarin 1969.

сторожностью» (316c: Ὀρθῶς... προμηθεῖ...), он устанавливает параллель между различными уровнями нарратива в диалоге и в то же время «кровную» близость двух его главных протагонистов, которые, несмотря на разногласия, оба защищают тезис о возможности научить добродетели. Строго говоря, Сократ не отговаривает Гиппократу учиться у Протагора; его задача в этом диалоге — заставить юношу рассмотреть софиста с безопасного расстояния (p. 157: *a prolonged look at the sophist from a safe distance, a protreptic from afar*). Такой взгляд тем более важен, что дистанция между «рекламой» (*advertisement*) и «потреблением» исчезает (p. 158, ср. 313c–314b: «Знания же нельзя унести в сосуде, а поневоле придется, уплатив цену, принять их в собственную душу»). Как и в случае «Евтидема», Коллинз акцентирует значение испытания, проверки протрептика.

В диалоге «Клитофонт» (5.4 *Clitophon and after the Protreptic Sting*, p. 166–169), как и в диалоге «Евтидем», Коллинз видит «протрептический дискурс про протрептик». (Вопрос об аутентичности этого текста, не раз поднимавшийся в научной литературе, вовсе не затрагивается²⁷.) В обоих диалогах Платон «встраивает» в нарратив голоса противников в попытке определить свою собственную интеллектуальную и культурную позицию. Но в то же время, считает Коллинз, в этих диалогах заметно понимание той опасности, которую несет «полифония» конструктивному образовательному проекту самого Платона (p. 167). Как и Критон, Клитофонт в растерянности, поскольку протрептик, как ему кажется, никуда не ведет. Он даже грозит уйти к Фрасимаху, и на этом диалог заканчивается.

Рассмотрение второй части исследования, посвященной протрептикам Исократу (*Part Two: Isocratean Protreptic*, p. 171–241), будет не столь подробным. В ней содержится пересказ речей Исократу с сопутствующими размышлениями об их «гибридной» жанровой природе, сочетающей элементы похвалы, послания, наставления и эпидейктического выступления. Как от-

²⁷ См., напр., Thesleff 1982: 205.

мечает Коллинз, протрептик Исократ представлен множеством жанров: это и философский памфлет («Против софистов»), и послания к молодым правителям («К Демонику»²⁸, «К Никоклу», «Никокл»), и автобиографическая апология («Об обмене имуществом»). В этих текстах Исократ стремится привлечь студентов к своей уникальной философской программе, используя «традиционную аристократическую риторику» в противовес софистическим новациям. Его протрептический дискурс конструирует благородные жизненные модели для подражания, которые преподносятся как единственно приемлемая «философия» для юноши (р. 174). «Протрептические тексты могут быть трансформированы в протрептические жизни, которые порождают новые протрептические тексты» (р. 178).

В речи «Против софистов» (глава 6 *“Professional” Protreptic: Against the Sophists*, р. 183–195) Исократ предлагает, говорит Коллинз со ссылкой на Я. Ли Ту²⁹, «анатомию невыполненных обещаний» софистов и в то же время обращает своих слушателей *to a business in which they can believe*, то есть к самому себе (р. 183–184). В посланиях к правителям (глава 7 *Paraenetic Protreptic: Tà ἀρχαῖα and Exhorting Young Tyrants*, р. 196–228) рассматриваются некоторые структурные параллели с наставлениями Гесиода (личная форма послания, универсальность предложенных советов), которые объясняют неожиданный переход от отстраненного тона к доверительности (*transition from detachment to familiarity*) в речи «К Никоклу».

Глава 8 (*Judging Protreptic: Antidosis, Panathenaicus*, р. 229–241) открывается рассмотрением речи «Об обмене имуществом», текста, в котором Исократ представляет себя участником судебно-

²⁸ Коллинз не ставит под сомнение аутентичность этой речи, которую И. Дюринг называет «анонимной» (Düring 1961: 23). Норлин (Norlin 1928: 3) признает авторство Исократ. В любом случае, нет никаких оснований считать Демоника правителем: от схолиаста известно лишь о том, что его отец был киприотом. Весь характер речи говорит скорее о том, что она обращена к простым людям, а не к правителю.

²⁹ Тоо 1995.

го процесса. Этот фиктивный процесс позволяет ему объединить сразу несколько протрептиков, написанных им на разных этапах карьеры, и создать таким образом смешанный текст, обращенный одновременно к разным аудиториям (воображаемой и реальной; благородной и той, что попроще; критически настроенной и симпатизирующей и т.д.) (р. 230). Жанровая новизна (*καὶ νόησις*) подчеркнута во вступлении. В речи «Об обмене имуществом» Исократ находит возможность избежать необходимости «отговариваний» (апотрептика) в отношениях с аудиторией: вместо этого он «расширяет свою долю рынка» (*to increase his market share*), представляя свой трех- или четырехлетний курс обучения как *продолжение* того образования (пропедевтики), которую предлагают его конкуренты (р. 235).

«Панафинейская речь» построена частично в виде диалога с одним из учеников Исократа. В § 200 Исократ признается, что перед чтением речи он исправлял ее вместе с тремя или четырьмя юношами, после чего пригласил к обсуждению одного из бывших своих учеников, лаконофила, диалог с которым приводится в речи. Таким образом, в «Панафинейскую речь» встроены все эти моменты представления (*performance*), обсуждения и ревидии первоначального текста, что заставляет Коллинза говорить об «относительно открытой текстуальной модели» речи (р. 240). Но исправление текста диктуется необходимостью исправить характер участников обсуждения (и слушателей): коллективное производство дискурса и изображает этот процесс «исправления». В целом, «Панафинейская речь» показывает, как интеллектуальное сообщество может обсуждать философские и политические разногласия и совместно вырабатывать взаимообучающий дискурс. Это протрептический дискурс, который поощряет расхождения, чтобы лучше определить свою цель и укрепить приверженность этой цели (р. 241).

Наконец, в эпилоге (р. 242-264) рассматриваются те моменты «в процессе жанрового развития протрептического дискурса», когда сам процесс становится более «плоским и стандартным».

зированной». За «дискурсивными экспериментами» IV в. следует «катастрофический коллапс» вторичного жанра, причины которого не совсем ясны. Пример такого «опресненного» протрептика Коллинз видит у Аристотеля (р. 243). В качестве «образцовой» Коллинз выбирает далеко не бесспорную реконструкцию Хатчинсона и Джонсона³⁰. По мнению исследователей, «Протрептик» — это беседа, в которой участвуют трое: Аристотель, Исократ и Гераклид Понтийский. Аристотель сталкивает три профессиональных голоса в поиске нового философского дискурса (р. 245). Несмотря на элементы диалогизма, «Протрептик» Аристотеля скорее сворачивает, чем культивирует художественное разнообразие. Сложный вторичный жанр в его руках начинает кристаллизоваться (р. 246). «Гораздо менее драматичный, чем «Евтидем» и «Протагор», гораздо менее автобиографичный, чем «Об обмене имуществом», гораздо менее паренетичный, чем послания Исократа правителям, «Протрептик» тем не менее представляет собой одно из самых популярных в античности увещаний» (р. 246). Однако в нем нет уже авторской рефлексии по поводу того, каким должен быть протрептик: многомерность схлопывается.

Пожалуй, главный недостаток исследования заключается в том, что мы так и не узнаем, что же за «конструктивный проект» стоит за протрептиками Сократа у Платона и почему эти протрептики остаются без продолжения. С одной стороны, Коллинз явно (и в духе Тюбингенской школы) рассматривает платоновские диалоги как «протрептические»; с другой стороны, его не интересует вопрос о том, какого рода «практики» (эзотерические или нет) стоят за этими текстами³¹. Несомненно, его подход можно охарактеризовать как «драматический» или «диалогиче-

³⁰ Hutchinson & Johnson 2005. Предварительная реконструкция «Протрептика» доступна на сайте: <http://www.protrepticus.info>.

³¹ P. 169: «But we are not so much concerned with speculation about what practices lie beyond engagements with the text, except insofar as the texts themselves portray characters engaged in particular “philosophical” and “unphilosophical,” “useful” and “useless,” “tasteful” and “common” practices».

ский» (важно не только то, что сказано, но и как это сказано)³². Отдельные реплики по поводу сократической манеры вопрошания заставляют даже предположить, что Коллинз вместе с антидогматистами признает ее самостоятельную философскую ценность — но и этот тезис остается без развития. Сознательный отказ рассматривать эти «проклятые вопросы» оправдан в свете установки на анализ «риторических стратегий», «легитимизирующих» новую интеллектуальную практику в социально-политическом поле Афин. Действительно, едва ли можно говорить об устоявшемся жанре философского протрептика там, где не устоялось еще само понятие философии. Но что именно должны легитимизировать эти стратегии — это остается неясным. В конечном итоге, «Протрептики» Коллинза вызывают у читателя тот же вопрос, что и протрептики Сократа — у Клитофонта в одноименном диалоге, а именно: τί τοῦντεῦθεν;

Литература

- Аверинцев 1996 — *Аверинцев С.* Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // *С. Аверинцев. Риторика и истоки европейской литературной традиции.* М., 1996. С. 191–219.
- Йегер 2014 — *Йегер В.* Раннее христианство и греческая пайдейя. М., 2014.
- Серёгин 2013 — *Серёгин А.* Догматизм, антидогматизм и диалогизм в интерпретации Платона // ПЛАТΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / *Общ. ред. В.В. Петрова.* М., 2013. С. 37–76.
- Слезак 2009 — *Слезак Т.* Читая Платона. СПб, 2009.
- Alieva 2013 — *Alieva O.* Protreptic in the Socratics: In Search of a Genre // *Socratica III.* Academia Verlag, 2013. P. 128-139.
- Aune 1991 — *Aune D.E.* Romans as a Logos Protreptikos in the Context of Ancient Religious and Philosophical Propaganda // *Paulus und das antike Judentum / Hrsg. M. Hengel, U. Heckel.* Tübingen, 1991. S. 91–124.

³² Об этом см. Серёгин 2013: 46.

- Bitzer 1968 — *Bitzer L.F.* The Rhetorical Situation // Philosophy and Rhetoric. Vol. 1. 1968. P. 1–14.
- Cairns 1972 — *Cairns F.* Generic Composition in Greek and Roman Poetry. Edinburgh, 1972.
- Düring 1961 — Aristotle's Protrepticus. An attempt of reconstruction / Ed. I. Düring. Göteborg, 1961.
- Festugière 1973 — *Festugière A.Ĵ.* Les trois «protreptiques» de Platon: Euthydème, Phédon, Epinomis. Paris, 1973.
- Freedman & Medway 1994 — *Freedman A., Medway P.* Genre and the new rhetoric. London; Bristol, PA, 1994.
- Gagarin 1969 — *Gagarin M.* The Purpose of Plato's Protagoras // Transactions of the American Philological Association. Vol. 100. 1969. P. 133–164.
- Gaiser 1959 — *Gaiser K.* Protreptik und Paränese bei Platon: Untersuchungen zur Form des Platonischen Dialogs. Stuttgart, 1959.
- Gonzalez 2002 — *Gonzalez F.* The Socratic Elenchus as Constructive Protreptic // Does Socrates Have a Method?: Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond / Ed. G.A. Scott. University Park, Pa., 2002. P. 161–182.
- Harrell & Linkugel 1978 — *Harrell J., Linkugel W.A.* On Rhetorical Genre: An Organizing Perspective // Philosophy & Rhetoric. Vol. 11. 1978. P. 262–281.
- Hartlich 1889 — *Hartlich P.* De exhortationum a Graecis Romanisque scriptarum historia et indole // Leipziger Studien für classischen Philologie. Vol. XI. 1889. P. 207–336.
- Heßler 2013 — *Heßler J.E.* Epikur, Brief an Menoikeus: Text, Übersetzung und Kommentar. Basel, 2013.
- Hutchinson & Johnson 2005 — *Hutchinson D.S., Johnson M.R.* Authenticating Aristotle's Protrepticus // Oxford Studies in Ancient Philosophy. Vol. 29. 2005. P. 193–294.
- Jaeger 1962 — *Jaeger W.* Early Christianity and Greek Paideia. Cambridge, 1962.
- Jamieson & Campbell 1978 — Form and genre: shaping rhetorical action / Ed. K.H. Jamieson, K.K. Campbell. Falls Church, VA, 1978.
- Jordan 1986 — *Jordan M.D.* Ancient Philosophic Protreptic and the Problem of Persuasive Genres // Rhetorica. Vol. 4. 1986. P. 309–333.
- Kotzé 2010 — *Kotzé A.* Protreptic, Paraenetic, and Augustine's *Confessiones* // In Search of Truth. Augustine, Manichaeism, and Other Gnosticism. Studies for Johannes Van Oort / Eds. J. van Oort, J.A. van den Berg et al. Leiden, 2010. P. 3–23.

- Larivée 2010 — *Larivée A.* The Philebus, a protreptic? // Selected Papers from the VIII Symposium Platonicum / Eds. J. Dillon and L. Brisson. Sankt Augustin, 2010. P. 163–171.
- Martin 2004 — *Martin R.P.* Hesiod and the Didactic Double // Synthesis 11. 2004. P. 31–53.
- Michelini 2000 — *Michelini A.* Socrates Plays the Buffoon: Cautionary Protreptic in *Euthydemus* // American Journal of Philology. 121. 2000. P. 509–535.
- Migliori 2013 — *Migliori M.* Il Disordine ordinato: La filosofia dialettica di Platone. Vol. I. Brescia, 2013.
- Nightingale 1995 — *Nightingale A.W.* Genres in Dialogue: Plato and the Construct of Philosophy. Cambridge (UK); New York, 1995.
- Norlin 1928 — Isocrates: In three volumes. Vol. 1 / Ed. G. Norlin. London, 1928.
- Schenkeveld 1997 — *Schenkeveld D.M.* Philosophical Prose // Handbook of Classical Rhetoric in the Hellenistic Period (330 BC–400 AD) / Ed. S.E. Porter. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 195–264.
- Segvic 2006 — *Segvic H.* Homer in Plato's Protagoras // Classical Philology. Vol. 101 (3). 2006. P. 247–262.
- Slings 1999 — *Slings S.R.* Plato, Clitophon. Cambridge (UK), 1999.
- Stewart-Sykes 2001 — *Stewart-Sykes A.* From Prophecy to Preaching: A Search for the Origins of the Christian Homily. Leiden; Boston, 2001.
- Swancutt 2005 — *Swancutt D.* Paraenesis in Light of Protrepsis: Troubling the Typical Dichotomy // Early Christian Paraenesis in Context / Eds. T. Engberg-Pedersen, J. Starr. Berlin; New York, 2005. P. 113–156.
- Szlezák 1993 — *Szlezák Th.A.* Platon lesen. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1993.
- Thesleff 1982 — *Thesleff H.* Studies in Platonic Chronology. Helsinki, 1982.
- Thesleff 1989 — *Thesleff H.* Platonic chronology // Phronesis. Vol. 34 (1). 1989. P. 1–26.
- Too 1995 — *Too Y.L.* The rhetoric of identity in Isocrates: Text, power, pedagogy. Cambridge, 1995.
- Uhlig 2009 — *Uhlig A.S.* Review of: Francis Cairns, Generic Composition in Greek and Roman Poetry. Corrected and with new material. First edition published in 1972. Michigan Classical Press, 2007. Pp. ix, 336. ISBN 978-0-9799713-1-0 // Bryn Mawr Classical Review 2009.05.25. URL: <http://bmcr.brynmawr.edu/2009/2009-05-25.html>.
- Van der Meeren 2002 — *Van der Meeren S.* Le protreptique en philosophie. Essai de définition d'un genre // Revue des Études Grecques. Vol. 115. 2002. P. 591–621.